

УДК 343.9
ББК 67.511

Ю.Е. Пудовочкин,
доктор юридических наук, профессор

КОНЦЕПЦИЯ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ (опыт криминологического прочтения произведений С. Хантингтона и П. Бьюкенена)

В статье на основе работ С. Хантингтона и П. Бьюкенена раскрываются криминологически значимые характеристики социально-психологических последствий протекающих в мире глобализационных процессов, подчеркивается их генетическая связь с рядом актуальных видов преступности (террористической, мигрантов и др.), определяются стратегические направления антикриминогенного использования глобализационных возможностей.

Ключевые слова: цивилизационные конфликты; глобализационные факторы преступности; преступления ненависти; терроризм; обеспечение безопасности.

Yu.Ye. Pudovochkin,
Doctor of Law, Professor

CONCEPT OF CLASH OF CIVILIZATIONS AS THE THEORETICAL BACKGROUND OF INTERNATIONAL CRIMINOLOGY (experience of criminological reading of books by S. Hantington and P. Buchanan)

The paper uses the books by S. Hantington and P. Buchanan to reveal the criminologically important characteristics of social and psychological consequences of the globalization processes, underlines their genetic relationship with some urgent varieties of crimes (terrorist, migrants' crimes, etc.), determines the strategic directions of anti-criminogenic use of globalization's opportunities.

Key words: clash of civilizations; globalization factors of criminality; hate crimes; terrorism; ensuring safety.

Современный период в истории человечества характеризуется возрастанием интенсивности и степени плотности международных отношений в самых различных сферах жизнедеятельности общества – от экономики и политики до культуры и идеологии. В криминологическом отношении он демонстрирует несколько значимых тенденций в развитии преступности, среди которых особое место занимают транснационализация ее различных традиционных видов и форм, с одной стороны, и активизация международной преступности, в статистическом плане понимаемой как совокупность преступлений против мира и безопасности человечества, – с другой. Указанные тенденции, очевидно, требуют адекватного научного анализа. Учитывая их особенности, небезосновательными выглядят рассуждения В.А. Номоконова о том, что специфика объекта и методов исследования общемировых и транснациональных аспектов преступнос-

ти является столь существенной, что с необходимостью предполагает формирование нового научного направления – международной (мировой) криминологии [4, с. 136].

Как и всякое направление в науке, мировая криминология для своего становления и развития требует надежной теоретико-методологической основы. При этом представляется, что составной частью ее базиса должны стать не только многократно апробированные современной криминологией постулаты относительно природы преступности, ее детерминант и профилактики. Специфика предмета мировой криминологии настоятельно требует привлечения для его познания комплекса теоретических положений международной политологии, глобалистики, социологии, культурологии. Именно здесь, на наш взгляд, можно найти «методологический ключ» к пониманию и решению многих проблем мировой криминологии.

Не ставя цель в рамках настоящей статьи

дать всесторонний и полный анализ всех, имеющих отношение к международной криминологической проблематике трудов современных авторов, но выражая стремление привнести в криминологический дискурс ценную информацию об актуальном состоянии и специфике международных отношений, обратимся к анализу близких по основным идеям, духу и содержанию работ двух американских социологов и политологов – С. Хантингтона и П. Бьюкенена, которые отражают консервативный взгляд на суть происходящих в современном мире процессов [1–3; 5; 6].

В основе рассуждений этих авторов лежит тезис о том, что вся история человечества – это история цивилизаций. Понятие цивилизации, в основных чертах совпадающее с понятием культуры, включает в себя ценности, нормы, менталитет и законы, которым многочисленные поколения в той или иной культуре придают первостепенное значение [6, с. 44–47]. Роль религиозных, культурных и иных социальных норм определяется тем, что именно они во многом направляют поведение каждого отдельного человека, его отношение к «братьям по вере» и к «чужеродцам»; они же определяют в целом согласованную позицию представителей одной цивилизации по отношению к представителям иных цивилизаций, а следовательно, и политику государств по отношению друг к другу.

Современные общества переживают весьма сложный период, связанный с ломкой устоявшихся стандартов и норм. На глобальном уровне смена ценностных ориентиров характеризуется тем, что сегодня, в отличие от периода «холодной войны», поведение отдельных людей и позиции государства на международной арене все чаще определяются не политико-идеологическими концепциями, а именно культурой [6, с. 23]. Крах коммунистической идеологии и двухполюсного мира, откровенные ошибки демократических политических режимов и связанное с этим определенное разочарование в либеральной демократии, внутреннее разложение элементов западной культуры и постепенная утрата Западом экономической мощи – является причиной того, что в современном мире ценности и нормы традиционных культур и религий становятся чрезвычайно востребованными. Именно они становятся основой

самоидентификации отдельной личности и общества и все чаще берутся за основу индивидуального и коллективного поведения.

Смена ценностных, цивилизационных ориентиров не проходит безболезненно. Она возводит в ряд наиболее актуальных проблем современности, несомненно, имеющих явно выраженный криминологический контекст, такие социальные проблемы, как: формирование и сохранение собственной индивидуальной и коллективной идентичности, связанные с этим проблемы религиозного возрождения и экспансии, а также непосредственно вытекающие отсюда проблемы столкновения и конфликтов цивилизаций.

Проблемы идентичности. Поведение отдельного человека и человеческих общностей определяется их самосознанием. В трактовке С. Хантингтона самосознание – есть синоним идентичности, которая представляет собой продукт самоидентификации, результат взаимодействия человека или группы людей с другими людьми или группами. Пока люди взаимодействуют со своим окружением, у них нет иного выбора, кроме как определять себя через отношения к другим и отождествлять обнаруженные сходства и различия [5, с. 50].

Современный период в истории характеризуется практически одновременным началом кризисов идентичности в различных странах, что не может не навести на мысль о том, что эти кризисы имеют общую причину или даже причины. В качестве таковых С. Хантингтон называет глобальную экономику, грандиозный скачок в развитии транспорта и сферы коммуникационных технологий, нарастающую миграцию населения земного шара, распространение демократических ценностей, окончание «холодной войны» и падение коммунистического строя в СССР, доказавшее нежизнеспособность советской системы в экономическом и политическом отношениях [5, с. 36–37].

Иными словами, кризис идентичности непосредственно связан с глобализационными процессами и попытками установления неких универсальных, единых стандартов во всем, начиная с экономики и заканчивая ценностными ориентирами. Именно глобализация приводит к кризису «национальной идентичности», идентификации себя со своим государством.

При этом кризис национальной идентичности наблюдается как в элитарных слоях общества, так и в общей массе населения, хотя и обусловлен здесь разными факторами.

Снижение значимости национальной идентичности в глазах представителей элиты обусловлено, прежде всего, увеличением международной активности деловых, академических и политических кругов, «интернационализацией» бизнеса, области масс-медиа и сфер деятельности некоммерческих организаций. Элита все чаще идентифицирует себя и свои интересы с транснациональными, глобалистическими целями и задачами [5, с. 404].

У рядовых же граждан снижение авторитета государства вызвано в первую очередь эрозией функции государственной защиты, что лишило их причин отождествлять себя с государством [5, с. 42]. Ослабление чувства национальной идентичности у широкой публики не сопровождается параллельным укреплением чувства идентичности глобальной. При объективно сохраняющихся и не способных исчезнуть различиях между людьми и странами, о глобальной, универсальной идентичности, идентификации человеком самого себя со всем человечеством, с родом *homo sapiens* речи быть не может.

Однако человек не может существовать, не идентифицируя себя с какой-либо группой. Поскольку древние источники идентичности и системы авторитетов поколеблены, людям нужны новые источники идентичности, новые формы стабильного сообщества и новые моральные устои, которые дали бы им чувство смысла и цели. В связи с кризисом национальной идентичности, как указывает С. Хантингтон, у человека нет иного выбора, как сузить рамки идентичности, превратить ее в нечто камерное, более интимное [5, с. 37]. По его мнению, таким источником в современных условиях выступает именно религия [5, с. 40; 6, с. 140]. Для людей, которые сталкиваются с необходимостью ответить на вопросы «кто я?» и «где мое место?», религия дает убедительные ответы, а религиозные группы становятся небольшими социальными общностями, пришедшими на замену тем, что были утрачены из-за урбанизации. Какие бы универсалистские цели не преследовали религии, они дают людям идентичность, проводя основное различие между верующими,

между своей, высшей группой, и другой, низшей группой [6, с. 141].

Проблемы религиозного возрождения. Итак, религиозная идентичность в известной степени заполняет вакуум, образовавшийся в связи с упадком идентичности национальной.

Глобальное религиозное возрождение, «возвращение к святыням», является ответом на тенденцию восприятия мира как «единого целого». Оно есть следствие обострения цивилизационного, общественного и этнического самосознания во все больше глобализирующемся мире [6, с. 92].

Однако в нем есть еще, как минимум, один смысл. Современная западная цивилизация переживает, по утверждению С. Хантингтона и П. Бьюкенена, глубокий кризис, связанный с коллапсом культуры [1, с. 288; 6, с. 132].

Все, что вчера считалось постыдным – прелюбодеяние, аборт, эвтаназия, самоубийство, сегодня прославляется как достижения прогрессивного человечества. Прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи превращаются в добродетели. «Нынешнюю доминирующую культуру правильнее называть постхристианской, или даже антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения», – пишет П. Бьюкенен [3, с. 17].

Среди следствий кризиса культуры чаще всего отмечаются такие проявления морального упадка, как:

1) рост антисоциального поведения – преступность, употребление наркотиков и насилия вообще;

2) распад семьи, включая возросший процент разводов, незаконнорожденных детей, подростковой беременности и неполных семей;

3) общее ослабление «рабочей этики» и рост культа персональных привилегий.

Очевидно, что будущее процветание Запада и его влияние на другие страны зависят в значительной мере от успешного преодоления этих тенденций [6, с. 496–497], а это возможно лишь в ситуации нравственного оздоровления общества. Чтобы нация выжила, люди должны иметь общие моральные и социальные нормы и разделять ценности, более высокие, чем экономические интересы [1, с. 171].

Именно представление об этих высших ценностях и дает людям религия. По утверждению С. Хантингтона, религиозное возрождение во всем мире – это реакция на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того – утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и людской солидарности [6, с. 142]. Религия способна утолить слабо осознаваемую, но неизменную жажду жизни со смыслом. Религия соотносится с личной этикой и личным поведением, а потому многие люди рассматривают ее как противоядие от морального разложения. Преступность, жажда наживы, родительское легкомыслие, торжество материализма – многие убеждены, что эти и аналогичные проблемы возможно решить, восстановив религиозность общества, причем для большинства не имеет принципиального значения, какая именно религия позволит восстановить утраченные ценности [5, с. 536]*.

Итак, религиозные группы удовлетворяют целый ряд важных социальных потребностей, которые государственная бюрократия оставляет без внимания [6, с. 142]. Однако, как и любое явление, религиозное возрождение наряду с безусловным позитивным эффектом имеет и некоторые опасные последствия. Возросшая значимость религии как элемента национальной идентичности также означает увеличение числа религиозных конфликтов во многих регионах земного шара. Эти конфликты зачастую имеют политические или экономические причины и представляют собой столкновения из-за территории или ресурсов, однако вольно или невольно «окрашиваются» в религиозные цвета и обрастают религиозной символикой, становятся конфликтами цивилизаций, «конфликтами по линии разлома» [5, с. 557–558].

* При этом религиозное возрождение ни в коей мере не означает возврата к прошлому или «шага назад» в развитии, не предполагает отказа от современного технологического базиса цивилизации. Движения за религиозное возрождение в общем и целом не отвергают урбанизацию, индустриализацию, развитие, капитализм, науку и технологию, а также все то, что эти вещи означают для организации общества. В этом смысле они не являются антисовременными [6, с. 145]. Религиозное возрождение – это урбанистический феномен, который привлекает к себе людей современно ориентированных, хорошо образованных и делающих карьеру в профессиях, правительстве и коммерции [5, с. 555; 6, с. 146].

Столкновение цивилизаций и конфликты по линии разлома. В новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентичности [6, с. 22].

Эти конфликты проявляют себя как на международной арене, так и внутри отдельных стран.

В первом случае наиболее напряженные линии разлома проходят между исламом и его православными, индуистскими, африканскими и западнохристианскими соседями. На макроуровне это приводит к самому главному разделению – «Запад и остальные», в силу чего наиболее ожесточенные конфликты случаются между мусульманскими и азиатскими странами, с одной стороны, и Западом – с другой [6, с. 281].

На внутригосударственном уровне культурные конфликты представлены, прежде всего, конфликтом между группами населения одной страны, которые принадлежат к различным цивилизациям. При этом наиболее мощный вызов исходит от иммигрантов из стран иной цивилизационной принадлежности, кто отказывается ассимилироваться и продолжает оставаться верным духовным ценностям, обычаям и культуре своих родных стран и передает их из поколения в поколение [6, с. 497]. Почти все страны разнородны и состоят из двух или более этнических, расовых или религиозных групп. Различия и конфликты между данными группами играют важную роль в политике этих стран. Глубокие различия в стране могут привести к массовому насилию или угрожать ее существованию. Эта угроза и движения за автономию или отделение чаще всего имеют место там, где культурные различия совпадают с различиями в географическом местоположении. Если культура и география не совпадают, то в решении конфликта часто используются методы геноцида или насильственной миграции [6, с. 206].

На каком бы уровне не начинался конфликт между представителями различных культурных групп, эта локальная война становится войной религий, столкновением цивилизаций, чреватых последствиями для громадных сегментов человечества [6, с. 437].

Обычно эти столкновения носят локальный характер, т. е. не затрагивают более широкие идеологические или политические вопросы или непосредственные интересы не участвующих в конфликте сторон, хотя и могут вызывать гуманитарные проблемы у стоящих в стороне от конфликта групп. Для них также свойственны жесточенность и кровопролитность, поскольку на кону – фундаментальные вопросы идентичности. Вдобавок все подобные конфликты продолжительны; их могут приостановить перемирия или соглашения, но последние обычно нарушаются – и конфликт возобновляется [6, с. 405]. Единожды начавшись, войны по линиям разломов имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие – отклик» [6, с. 429–430].

Преступления. Столкновение цивилизаций в криминологическом отношении характеризуется комплексом значимых трансформаций, в том числе активизацией трех составляющих современной преступности: терроризма, преступлений мигрантов и преступлений ненависти.

1. *Терроризм* – это тактика, даже технология, это оружие, к которому прибегали на протяжении всей истории человечества фанатики, диктаторы и отчаявшиеся воины. Если война есть продолжение политики иными средствами, то терроризм есть продолжение войны иными средствами [2, с. 129]. При этом терроризм был и остается оружием слабых, т. е. тех, кто не обладает обычной военной мощью. В то же время это в прошлом террористы были способны лишь на ограниченное насилие: убить пару человек здесь или разрушить пару зданий там, поскольку для массированного насилия требовались массированные вооруженные силы. В настоящее же время в связи с распространением оружия массового поражения несколько террористов вполне могут быть способными на массовое насилие и массовые разрушения. По отдельности терроризм и ядерное оружие – это оружие слабых с не-Запада. Если и когда они объединяются, слабые с не-Запада становятся сильными [6, с. 289].

При всей безусловной опасности терроризма как криминального явления, в его оценке и в определении методов борьбы с ним необходимо учитывать некоторые важные политические и идеологические моменты.

Конечно, терроризм – насилие, которому нет оправдания. Однако термины «терроризм» и «террорист» представляют собой словесные ярлыки, которыми находящиеся у власти награждают своих противников. На протяжении двадцатого столетия правительства разных стран именовали «террористами» борцов за независимость, дабы поставить их вне закона и оправдать свое нежелание внять их требованиям [2, с. 131–132]. В этой связи представляется, что вопрос о том, кого признавать террористами, не имеет однозначного ответа. В двадцатом столетии терроризм часто добивался успеха; когда это случалось, экс-террористы получали власть, славу и бессмертие – их именами называли улицы, деревни и города [2, с. 172].

Вторая проблема состоит в том, что неправильно, недальновидно и крайне опасно ассоциировать современный терроризм с исламом вообще или с воинственным направлением в исламе. Со ссылкой на Марка Влахоса П. Бьюкенен пишет: «Террористическая сеть представляет собой кольцо воинственных субкультур, выражающих интересы крупного политического течения внутри ислама не больше и не меньше, чем своего рода «цивилизации в цивилизации», настроенной против существующих суннитских режимов. «Террористы» не более чем простые исполнители. В этом движении существенную и даже принципиальную роль играют миллионы симпатизирующих и одобряющих. Большинство пассивно, однако здесь чрезвычайно важна и пассивная поддержка». В силу того, что идеология и цели террористов пассивно разделяются значительным числом людей в исламском мире, объявить войну воинственному исламу – значит создать себе весьма серьезные проблемы. Если начать войну с воинствующим исламом, весь исламский мир может интерпретировать это предложение как объявление войны мусульманам в целом [2, с. 126–127], последствия чего легко прогнозировать и практически невозможно описать.

Учитывая эти обстоятельства, важно подчеркнуть, что принципиальным для победы над террористами является метод, которым правительство реагирует на нападения. Поскольку главная битва ведется террористами за сердца и души, чрезмерно жестокая реакция на терроризм со стороны государства может оказаться фатальной [2, с. 174].

Исключительно криминологичны рассуждения П. Бьюкенена, который отмечает, что борьба должна вестись не с терроризмом, а с более глубинными факторами, его порождающими. Акцентирование внимания на терроризме грозит опасными последствиями для самого государства. Террористы – пикадоры и матадоры. Они колют быка (государство) до тех пор, пока не пойдет кровь, пока животное не разъярится, а затем принимаются взмахивать у него перед глазами кровавой мулетой террора. Бык нападает снова и снова, пока не останавливается в изнеможении. И матадор, такой щуплый и слабый рядом с быком, вонзает шпагу между лопатками животного. Бык не понял, что мулета – всего-навсего провокация, которая заставляет его злиться и нападать до полного изнеможения [2, с. 175].

2. *Преступления мигрантов* – еще одно значимое криминологическое проявление столкновения цивилизаций. Среда легальных иммигрантов – море, в котором плавают нелегалы и преступники [1, с. 383].

Со ссылкой на исследования Федерации реформирования американской иммиграции П. Бьюкенен указывает: доля преступников-иммигрантов превышает 29 % от общего числа заключенных в заведениях федерального управления тюрем [1, с. 35].

При этом наиболее криминогенной является группа мигрантов-нелегалов. Со ссылкой на исследования Макдональда тот же автор приводит следующие данные, характеризующие криминальную активность мигрантов в США:

- в Лос-Анджелесе 95 % умышленных убийств (от 1200 до 1500 в год) совершают нелегальные иммигранты;

- две трети из 17 тыс. преступлений в год в Лос-Анджелесе совершают нелегальные иммигранты;

- около 12 тыс. бандитов из 20-тысячной Банды Восемнадцатой улицы, действующей в Южной Калифорнии, являются нелегальными иммигрантами [1, с. 34].

П. Бьюкенен отмечает также имеющуюся в США неравномерность участия в криминальных отношениях представителей различных этнических групп. Американцы азиатского происхождения являются самой законопослушной социальной группой; уровень преступлений среди них составля-

ет четверть от количества правонарушений среди белых. У испаноязычных уровень преступности втрое выше, чем у белых, а у чернокожих – выше в 7 раз; при этом чернокожие в 33 раза чаще американцев азиатского происхождения попадают в тюрьму. Молодые американцы азиатского происхождения в 9 раз чаще белых попадают в банды, а испаноязычные примыкают к шайкам в 19 раз чаще. Тем самым значительная часть испаноязычной молодежи и бедноты оказывается под влиянием челоуеконенавистнической и бунтарской субкультуры наркотиков, преступности, презрения к образованию и враждебности к полиции [1, с. 213].

Связь миграции с преступностью – большая и сложная тема. С. Хантингтон и П. Бьюкенен стремятся определить истоки проблемы. В частности, отмечается, что рост исламского населения является основным фактором, вызывающим конфликты вдоль границ исламского мира между мусульманами и другими народами. Перенаселенность в сочетании с экономической стагнацией способствует миграции мусульман на Запад и другие немусульманские общества, создавая из эмиграции проблему для этих стран [6, с. 178–179].

В самой по себе миграции нет ничего опасного. Однако современная миграция обладает рядом качественных отличий от всех иных, бывших в современной истории перемещений людей. Основные отличия нынешней иммиграции П. Бьюкенен излагает применительно к США, наиболее чувствительным к миграции из Мексики и в целом Латинской Америки. В частности, он пишет, что сегодня:

- мы говорим не об иммиграции, мы говорим о вторжении;

- почти все иммигранты прибывают из стран и культур, народы которых никогда не ассимилировались нацией первого мира;

- «плавильный тигель» потрескался, и элиты полагают, что его надо выбросить в угоду идеям мультикультурализма [1, с. 263].

Таким образом, проблему создают: объемы миграции, качественный состав мигрантов и отсутствие эффективной системы ассимиляции мигрантов к условиям принимающего их общества. Последнее особенно важно. Мусульмане в Европе были и остаются чужаками. Эти люди не желают отказываться

ни от арабской, ни от мусульманской идентичности, не хотят становиться европейцами [1, с. 233]. Мусульмане ассимилируются медленнее всех других современных иммигрантских сообществ [5, с. 296]. Пребывая вне социума, они ищут общения в широком смысле в мечетях, где имамы внушают им – Запад не является их домом, это цивилизация, чуждая привычным им ценностей и враждебная исламу [1, с. 232].

Сохранение мигрантами собственной идентичности и нежелание ассимилироваться в сочетании с общим антизападным настроением и верой в превосходство ислама приводят к мощному противостоянию культур и конкретным преступлениям как способу отрицания социальных стандартов западного общества.

Рассуждая таким образом, П. Бьюкенен не без оснований замечает: имеющее расовый характер недовольство третьего мира Западом – спустя столетия после обретения свободы и триллионы долларов помощи – заставляет крепко задуматься над предложением открыть границы для массовой иммиграции [1, с. 209]. Принимая миллионы чужаков из иных культур и цивилизаций (миллионы, которые принимают гражданство, но никогда не станут французами, американцами и т. д.), государство совершает преступление против собственного народа [1, с. 203].

3. Среди криминальных проявлений цивилизационного конфликта самыми одиозными и злонамеренными являются «преступления ненависти», т. е. криминальные деяния, спровоцированные ненавистью к цвету кожи, этнической принадлежности, происхождению, либо сексуальной ориентации жертвы [3, с. 97].

П. Бьюкенен приводит следующие данные Отчета Министерства юстиции за 1987 г. на этот счет:

– в 1987 г. белые преступники, совершившие тяжкие преступления, выбрали своими жертвами чернокожих только в 3 % случаев, тогда как последние совершили против белых не менее 50 % от общего числа тяжких преступлений;

– в случаях изнасилований белые преступники ни разу (из 83 тыс. случаев) не покушались на черных женщин, тогда как изнасилования черными белых составляют 28 % от общего числа изнасилований;

– при грабеже лишь 2 % составляют ограбления черных, совершенных белыми, – против 73 % грабежей белых, совершенных черными.

Исследования Фонда «Нью Сенчури» 1994 г. подтвердили:

– черные совершили в 1994 г. 90 % межрасовых преступлений;

– поскольку черные составляют 12 % населения страны, то вероятность совершения ими межрасового преступления в 50 раз выше, чем для белых;

– для черных вероятность совершения группового изнасилования или группового нападения в 100–250 раз выше, чем для белого;

– даже в категории «преступлений ненависти», куда относится менее 1 % межрасовых преступлений, вероятность того, что черный окажется преступником, а не жертвой, вдвое выше, чем для белого [3, с. 103].

Таким образом, согласно статистике чаще всего происходят преступления чернокожих против белых. Чернокожие в 39 раз чаще совершают насильственные преступления против белых, нежели наоборот, и в 139 раз чаще оказываются замешанными в ограблениях [3, с. 213].

Однако при такой ситуации преступления против белых никогда не рассматриваются гражданским обществом в качестве преступлений ненависти. Наибольший общественный резонанс и осуждение получают составляющие гораздо меньшее количество преступления белых против цветных и в более широком смысле – преступления представителей большинства против меньшинств. Преступления против белых со стороны цветных (черных) не укладываются в политкорректную мелодраму, в которой черным отведена роль жертв, а белые всегда угнетают [3, с. 102]. Такие искажения реальных фактов и манипулирование восприятием действительности общественностью крайне вредны для выстраивания нормальных отношений между представителями различных культур, определению параметров этнической, миграционной и прочей политики.

Кроме того, они опасны с точки зрения соблюдения принципа справедливости. Преступление есть преступление, оно подлежит наказанию, вне зависимости от этнической принадлежности или цвета кожи

совершившего его лица. Справедливость должна быть равнодушной к цвету кожи. Однако кампания за выделение «преступлений ненависти» в отдельную категорию противоправных деяний не имеет ничего общего со справедливостью, зато очень много – с идеологией [3, с. 105].

Концепция безопасности. Комплекс реальных и потенциальных угроз, свойственных эпохе столкновения цивилизаций, требует разработки и реализации эффективной стратегии обеспечения безопасности. Сегодня в качестве исходной предпосылки ее построения выступает необходимость различения концепций национальной и общественной безопасности. Национальная безопасность подразумевает обеспечение независимости, суверенитета и территориальной целостности государства и готовность отразить политические и военные демарши со стороны других стран. Иными словами, национальная безопасность зиждется на политическом контроле ситуации. Общественная же безопасность, к разработке которой группа европейских ученых приступила в 1990-х гг. в связи с угрозой феномена иммиграции, означает способность общества сохранять свою сущность неизменной в условиях постоянно изменяющихся окружающих условий и фактических или возможных угроз. То есть речь идет о сохранении, при обеспечении необходимых условий развития, традиционных структур языка, культуры, общественного устройства, религии и национальной идентичности.

Таким образом, если безопасность национальная, прежде всего, связана с обеспечением суверенитета страны, общественная безопасность ориентирована на поддержание идентичности, или способности людей сохранять свою культуру, свои институты и свой образ жизни [5, с. 284].

Исходя из такого понимания сути общественной безопасности, ключевые требования к ее обеспечению должны состоять в следующем:

1. Западу необходимо решительно отказаться от взятой им на себя миссионерской функции и идеи построения единого, универсального, основанного на западных либеральных ценностях и стандартах общества. В возникающем мире этнических конфликтов и столкновения цивилизаций западная вера в универсальность западной культуры стра-

дает от трех недостатков: она неверна, она аморальна и она опасна. Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада [6, с. 507–508]. Когда одна страна из 190 присваивает себе право определять мораль всех народов во все времена и пытается утверждать свои ценности для всего человечества, – это моральный империализм, неизбежно влекущий за собой катастрофы и трагедии [2, с. 41].

Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но, скорее, превосходства в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут [6, с. 65]. Более того, по мере падения могущества Запада и возрастания относительного влияния других цивилизаций, утрачивается привлекательность западной культуры; не-западные жители все больше доверяют своим исконным культурам и все больше преданы им [6, с. 282]. В итоге можно утверждать, что в будущем мультикультурный мир неизбежен именно потому, что глобальная империя невозможна. Безопасность мира требует признания глобальной мультикультурности [6, с. 521].

2. Признание необходимости глобальной мультикультурности в то же время на уровне отдельного государства настоятельно требует укрепления чувства общей национальной идентичности всех граждан страны.

На этой планете не найти мультикультурного, мультиэтнического, полиязыкового социума, которому не угрожал бы распад. Как пишет П. Бьюкенен, «демократии недостаточно. Равенства недостаточно. Свободного рынка недостаточно. Без патриотизма, любви к стране и соотечественникам – не за то, во что они верят, а за то, что они соотечественники, – произойдет то, о чем писал поэт: «Связи распались, основа не держит» [1, с. 182].

В этой связи следует критически оценить стремление некоторых представителей элиты к построению глобального общества. Мировое правительство, в котором все государства и народы будут иметь равное право определять судьбу человечества, – абсурд

[3, с. 336]. Глобализм есть антитеза патриотизма [3, с. 314]. Поскольку глобализация – проект правящей элиты и поскольку ее архитекторы неизвестны (что не мешает их ненавидеть), глобализация неминуемо натолкнется на Большой барьерный риф патриотизма [3, с. 328].

Укрепление патриотизма значимо и еще в одном аспекте. Уже было отмечено, что кризис национальной идентичности у элит и рядовых граждан продиктован разными факторами. В силу этого он влечет за собой чрезвычайно важное следствие, связанное с разобщением нации, при котором «космократы» все сильнее отдаляются от общества и создавшей их страны [5, с. 422, 522]. Элиты привержены мультикультурализму, а упрямая публика поддерживает ассимиляцию и общую национальную идентичность [5, с. 509–510]. Различия между идеологией элит и широкой публикой порождают противоречия между приоритетами публики и приоритетами государства, воплощенными в законах [5, с. 517], что с неизбежностью влечет за собой утрату общественного доверия к правительству и правовой системе. Укрепление патриотизма в этой связи важно с точки зрения укрепления единства нации, преодоления разрыва между элитой и основной массой людей.

3. Поскольку причина стремительного упадка Запада так или иначе связана с упадком религиозности и с переизбытком материальной роскоши, требуется пересмотр ведущей идеологической концепции. Либерализм – идеология самоубийства Запада. Его идеалы, воплощенные в полной мере, окажутся фатальными для западной цивилизации [1, с. 291]. Необходима борьба за сохранение традиционных ценностей, культур и самих западных государств. А потому именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия [3, с. 314].

Общий вывод С. Хантингтона и П. Бьюкенена, в принципе, – совпадает: при всех имеющихся трудностях, у Запада достаточно сил и воли, чтобы справиться с проблемами [3, с. 313]; ему нужна лишь новая стратегия выживания в новом мире: ставить общество выше своего «я», поддерживать семью как главный структурный элемент общества, разрешать основные вопросы посредством консенсуса, а не споров, соблюдать расо-

вую и религиозную терпимость и гармонию [6, с. 522].

* * *

Представленное в настоящей работе краткое изложение концепции столкновения цивилизаций, естественно, не претендуя на всеохватывающий характер, позволяет уяснить сущность ряда значимых процессов, которые наблюдаются в межгосударственных и внутригосударственных отношениях. Составляя важный аспект современности, эти процессы вносят свои коррективы в механизм детерминации и профилактики преступлений, в основе которых лежит культурный конфликт и которые могут рассматриваться в качестве составной части «цивилизационных войн».

В силу этого теория столкновения цивилизаций способна уточнить и сложившиеся криминологические представления о взаимосвязях преступности и общественных процессов, протекающих в современном мире. Она не просто наглядно демонстрирует связь, но и раскрывает механизм взаимоотношений таких явлений, как сокращение численности населения в странах западной цивилизации, миграция, глобализация, моральный релятивизм, кризис национальной идентичности, религиозное возрождение, конфликты и столкновения групп различной культурной (цивилизационной) принадлежности на внутригосударственном и международном уровнях. А потому данная концепция с успехом может выполнять функцию теоретической основы того направления криминологического знания, которое имеет своим предметом исследование международной (межгосударственной, межэтнической) преступности, – мировой криминологии.

Конечно, концепция столкновения цивилизаций создавалась изначально не как криминологическая, она не ориентирована специально на объяснение происходящих в преступности и практике ее предупреждения перемен. Однако представляется, что в современных условиях криминологическое знание остро нуждается в привлечении самых различных по содержанию социологических концепций, совокупность которых может позволить создать относительно целостное представление о преступности в изменяющемся мире. Концепция столкновения цивилизаций вносит в это дело свою лепту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. — М., 2008.
2. Бьюкенен П. Дж. Правые и неправые: как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша / пер. с англ. К. Ковешникова. — М., 2006.
3. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. — М., 2007.
4. Номоконов В.А. Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. А.И. Долговой. — М., 2002.
5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. — М., 2008.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. — М., 2007.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. B'yukenen P. Dzh. Na krayu gibeli / per. s angl. M. Bashkatova. — M., 2008.
2. B'yukenen P. Dzh. Pravye i nepravye: kak neokonservatory zastavili nas zabyt' o reyanovskoy revolyutsii i povliyali na prezidenta Busha / per. s angl. K. Koveshnikova. — M., 2006.
3. B'yukenen P. Dzh. Smert' Zapada / per. s angl. A. Bashkirova. — M., 2007.
4. Nomokonov V.A. Sovremennaya kriminologiya: traditsionnye podkhody i novye napravleniya // Organizovannaya prestupnost', migratsiya, politika / pod red. A.I. Dolgovoy. — M., 2002.
5. Khantigton S. Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsional'noy identichnosti / per. s angl. A. Bashkirova. — M., 2008.
6. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy / per. s angl. T. Velimeeva. — M., 2007.

Информация об авторе

Пудовочкин Юрий Евгеньевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» (117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69-А, e-mail: 11081975@list.ru)

Information about the author

Pudovochkin, Yuriy Yevgenyevich (Moscow) — Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law. Russian Academy of Justice (69-A, Novocheryomushkinskaya str., Moscow, 117418, e-mail: 11081975@list.ru)